

ВЕЧНЫЙ МИР РОССИИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1508 г.: ФИКЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Чернов Сергей Владимирович

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусско-Российского университета
(г. Могилев, Беларусь)

Последовавшая осенью 1505 г. смерть московского государя Ивана III породила в Литве надежду на пересмотр условий перемирия 1503 г., пока наследник Ивана Василий будет заниматься утверждением своего престола. Следствием этого был обмен посольствами, итогом которых стало новое признание литовской стороной результатов минувшей войны. Расчет великого князя литовского Александра на возникновение смуты в Московском государстве и усобиц старшего брата с младшими не оправдался. Благодаря умелому распределению наследства Иваном III между сыновьями усобица не началась и не могла начаться. Этот пример ярко демонстрирует то, что вся деятельность московских государей была нацелена на расширение и сохранение Русского государства, и во имя этой цели они не стеснялись идти и на некоторые жертвы, пусть даже этими жертвами становились и права (а то и жизни) их ближайших родственников. Кстати, следует отметить, что для этих самых родственников хорошей отдушиной всегда служила Литва – все, кто был недоволен политикой московских великих князей, как правило, находили там хороший прием. Но на сей раз важных беглецов из Москвы не было. Василий III вступил на отцовский престол спокойно, смена власти не привела к внутренней нестабильности в стране и смене внешнеполитического курса.

Характерно, что на этих переговорах снова всплыли претензии обеих сторон на Западную Русь, и снова стороны не пришли к согласию, остановившись только лишь на подтверждении существовавшего порядка вещей. Впрочем, следует признать, что иного исхода у этих переговоров и не могло быть. К сожалению, противоречия между сторонами решались только вооруженным путем.

И тем более интересны последующие события.

Вскоре после смерти Ивана III умирает Александр Литовский, к этому времени занимавший также и польский трон. И уже спустя неполные три года после этого русско-литовские отношения снова обострились. Московский государь, столь легко присоединив к своим владениям Северскую землю, следующим

шагом видел подчинение Смоленска – древнего русского княжества, уже давно находившегося под властью ВКЛ. Начавшаяся в 1507 г. война должна была иметь целью в первую очередь взятие Смоленска. Литва имела свои интересы в этой войне, но в тот момент ее положение неожиданно резко ухудшилось. Это было связано, во-первых, с внутренней нестабильностью в Княжестве, вызванной мятежом Михаила Глинского, который обратился за поддержкой к Москве, внося тем самым раскол в литовское общество; во-вторых, беспокойно было на южных рубежах Княжества – еще при жизни Александра крымские татары предприняли масштабный набег на Литву, и хоть они были отражены, но опасность новых вторжений непрерывно сохранялась, и несколько раз татары действительно опустошали владения литовского великого князя. Таким образом, новому польско-литовскому государю Сигизмунду I пришлось вести войну на три фронта сразу – против Москвы, Крыма и внутренних врагов – сторонников Глинского.

Тем не менее правительство Сигизмунда I сумело с честью выйти из этой критической ситуации. Итогом этой войны стало подписание в 1508 г. вечно мира Московского государства и ВКЛ, который утвердил за Москвой все ее приобретения начала XVI в.

Согласно этому миру, Россия отказалась от западнорусских земель со Смоленском, Полоцком и Киевом, а ВКЛ навечно отреклось от претензий на Северскую землю и Северо-Восточную Русь (Новгород и Псков). Приобрели же они при этом лишь покой, да и то относительный, на своих смежных территориях и неопределенную возможность к совместным действиям в будущем против крымских татар. В самом деле, стоила ли такая туманная выгода отказа от того, что каждая из сторон по праву считала своим? А если стоила, то, получается, стороны осознали нелепость своих претензий друг к другу и решили раз и навсегда покончить с этим вопросом? Но, например, московский государь не удалил из своего титула формулы «государь всея Руси». Здесь можно отметить и вот что: со стороны Москвы идти на вечный мир с Литвой было менее благоразумно с политической точки зрения, чем со стороны Литвы – ведь права Литвы на Новгород и Псков и возможности к их присоединению в то время были куда более призрачными, чем права Москвы на западнорусские земли, которые составляли значительную часть наследия Владимира Святого, и отказаться от них просто так, навсегда, да еще в то время, когда военная фортуна вроде бы поворачивалась к московским государям лицом, было просто неразумно.

Последующие события показали, что мир этот, хоть и звался вечным, все же оказался не более чем простым бессрочным перемирием. Несомненно то, что по крайней мере Москва, заключая этот мир, осталась при своих мнениях по поводу старых территориальных споров. И способ решить их в итоге был избран прежний – вооруженная борьба. Поводом для возобновления военных действий в 1512 г., как известно, послужило нашествие на российскую Украину крымских татар, которое, согласно донесениям московской разведки, было спровоцировано польским золотом. Несомненно, что повод сам по себе достаточно серьезный. С другой стороны, он был не единственным – еще одним острым моментом в отношениях двух государств стал вопрос о смерти королевы Елены, сестры великого князя Василия.

Итак, это действительно был мир вечный в кавычках, как его часто определяют в исторической литературе, т.е. он не решил главных проблем русско-литовских отношений, и ни одна из сторон (во всяком случае, Москва) не собиралась отказываться от дальнейшей борьбы. Зачем же тогда этот бессмысленный «вечный» мир? Не проще ли было заключить простое перемирие, как уже бывало не раз? Можно, конечно, предположить, что формула «вечного мира» нужна была политикам обоих государств для каких-то своих далеко идущих целей: если бы, например, литовская сторона, стремясь заручиться поддержкой Европы в конфликте с Москвой и заранее зная, что российскую сторону легко будет спровоцировать на нарушение договора, хотела тем самым в рамках «информационной войны» продемонстрировать европейским политикам, кто в этом конфликте есть истинный злодей. Конечно, такое предположение подразумевает наличие каких-либо провокаций со стороны Польши. Причем таких провокаций, которые либо можно было легко объявить существующими лишь в московском воображении,

либо эти провокации никто в Европе, кроме России, не считал бы достаточными для нарушения вечно мира. Такими провокациями и могли стать крымские интриги польского двора и отношение польско-литовской стороны к вдовствующей королеве Елене, т.е. то, что потом было объявлено московской стороной поводом к войне. Те же благодарственные молебны в Риме по случаю победы Литвы под Оршей в 1514 г. показывают, что по крайней мере папский двор воспринял положение дел в русско-литовских отношениях именно так.

С другой стороны, можно увидеть и еще один момент, более реалистичный, который мог повлиять на решение Москвы замириться с Литвой не на время, а навечно. Для этого следует вспомнить следующий факт, относящийся ко времени смерти Александра Литовского. В это время Василий III, как известно из его переписки с сестрой – вдовствующей королевой Еленой – решился на смелый шаг – предложить свою кандидатуру на вакантный литовский трон [2, с. 214]. Это, впрочем, так и не вышло за пределы частной переписки, т.к. сразу после смерти Александра и Польша, и Литва присягнули его брату Сигизмунду I, но сам факт появления такой идеи в умах московских политиков говорит о многом. Вполне возможно, Москва уже тогда почувствовала, что есть всего один мирный способ завершить собиравшиеся русские земли в одном государстве – эта цель будет достигнута, если московский государь займет также трон второго обладателя этих земель – великого князя Литовского. (Позднее эта идея еще не раз всплывает во время польско-литовских бескоролевий. Известно также, что противоположная сторона также предлагала Москве похожие проекты, и во время бескоролевий, и после, когда пресекалась династия Калиты.)

В связи с этим можно высказать предположение, что, идя на подписание мирного договора, Василий вполне мог рассчитывать на то, что со временем Литва и Московия все же будут соединены под одним скипетром. И вечный мир был бы в случае возникновения такой возможности более чем кстати – две дружественные державы идут после заключения вечно мира на вечное соединение. Но, заключив этот мир, Василий увидел, что отношения между Россией и ВКЛ ничуть не улучшились – по-прежнему границы тряслись от пограничных споров, продолжались козни с татарами и т.п. То есть мир получился, только «худой», который – увы! – далеко не всегда лучше доброй ссоры – ни «любви», о которой шла речь в договоре, ни совместной внешней политики так и не вышло. Ни о каком единении двух держав под одним скипетром не могло быть и речи. Поэтому, нарушая мирный договор, Василий поступал вполне закономерно, хоть формально и преступно. А если учесть и его заявленные мотивы разрыва договора с Литвой – то получится, что не следует его осуждать так, как это делают западнорусские и литовские летописи. Сигизмунд I, несомненно, также не был образцом безукоризненного исполнения мирного договора.

Можно, конечно, усомниться в адекватности реакции московского князя, т.е. все ли мирные методы решения конфликта были исчерпаны. Нам сейчас трудно судить об этом. Ведь, помимо информации из документов, рассказывающих нам о подробностях происшедших событий, нужно принять во внимание еще и психологию того времени.

Кто же был виноват в нарушении договора? Необходимо учесть и никак не вписывающиеся в понятие «любви» действия польско-литовских дипломатов в Крыму. Оспаривать можно только вопрос наличия договора Сигизмунда с крымцами относительно финансирования их похода в московские пределы. И если такой договор был, то у Москвы были самые серьезные причины для недовольства. Можно в этом случае спорить лишь об адекватности мер. Что из себя представлял поход Василия III на Литву 1512 г.? Это был превентивный удар, это был захватнический поход, это было возмездие нарушителем договора? Главной целью похода, конечно же, был Смоленск. Т.е. на первый план снова вышел старый территориальный спор. Уместно спросить, если это был превентивный удар, то какие действия Литвы он предупреждал? Зачем в конце концов Сигизмунду понадобилось руками крымцев пакостить своему соседу – почти союзнику? В былые времена такие действия обе стороны принимали, как правило, с целью ослабить врага и отвлечь его силы от себя. Можно назвать еще и такую причину натравливания крымцев на земли соседа – пока они грабят соседа, они не трогают меня. Но в данном случае это мало что меняет. Разве

что исчезает такая возможная причина московского удара, как предупреждение готовящейся агрессии Литвы – в случае простого отведения Литвой крымского удара на кого угодно, только не на себя, к войне она, естественно, не готовилась. Хотя следует заметить, что и здесь среди возможных причин такого шага Литвы могло быть «всего понемногу», но эта причина, если рассматривать ее как реальную, вряд ли могла быть доминирующей. Все это, конечно, не более чем предположения, впрочем, не выходящие за рамки известных фактов.

Таким образом, время показало несбыточность идеи вечного мира между Московским государством и Великим княжеством Литовским в первой трети XVI в. Характерно, что последующие авторы, изучавшие этот период в истории отношений Москвы и Литвы, как правило, уделяли этому «вечному миру» внимания не больше, чем обычному перемирию, или даже вовсе игнорировали его. Так, даже С.М. Соловьев в своей «Истории» уделил ему всего полтора десятка строк [2, с. 221], а В.И. Огородников, переводчик и комментатор «Донесения о Московии» Марко Фоскарино, в комментарии к изданию сочинения Фоскарино 1913 г. вообще пишет о конфликте Василия III с Сигизмундом I как о войне 1507–1522 гг. «с перерывом в 4 года (1508–1512)» [3, комм. 68], не достаивая этот период не только статуса «вечного мира», но и вообще «мира» как такового, отзываясь о нем не более как о перерыве, этаком тайм-ауте, в одной большой русско-литовской войне. Эта традиция идет еще от самых первых авторов, рассказывавших о событиях русско-литовских войн первой трети XVI в. – похожим образом о них отзывался, например, Сигизмунд Герберштейн: он говорит о мятеже Глинского в двух местах своего сочинения, и оба раза связанная с этой историей война выглядит как один непрерывный русско-литовский конфликт, этапами которого являются бегство Глинского в Москву и захват при его содействии Смоленска [1, с. 69, 189–190], без упоминаний о каких-либо замирениях враждующих сторон между этими событиями. Как видно, и в то время русско-литовский вечный мир 1508 г. не воспринимался как нечто заключенное всерьез и надолго.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герберштейн, С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. – М. : МГУ, 1988. – 430 с.
2. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6 : История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1989. – 783 с.
3. *Фоскарино, М.* Донесение о Московии / М. Фоскарино. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Foskarino/frame.htm>. – Дата доступа: 31.10.2016 г.